

RU

Паремии как источник экземплификации в испанской грамматической традиции XVI-XVIII веков

Терентьева Е. Д., Баканова А. В.

Аннотация. Цель данного исследования – представить описание функционирования паремий в качестве грамматических примеров в испанской лингвистической традиции XVI-XVIII веков. Проведен анализ текстов наиболее заметных сочинений указанного периода (Х. де Вальдеса, К. де Вильялона, А. дель Корро, Г. Корреаса, Х. Вильяра, Б. Мартинеса Гомеса Гайосо, Б. де Сан Педро). Приводятся примеры пословиц и поговорок с их эквивалентами на русском языке и указанием грамматических положений, которые они иллюстрируют. Кратко описываются исторические условия публикации анализируемых работ. Научная новизна исследования заключается в том, что впервые в отечественной филологии был осуществлен комплексный анализ подхода к использованию паремий в процессе экземплификации в испанских грамматических трудах указанного периода. В результате исследования выявлено, что практически все испанские грамматисты данного периода прибегают к паремиям как источнику экземплификации, однако подход к их использованию с течением времени меняется. Их функция смещается от служения образцом этической нормы или истинной народной речи, а затем элемента, украшающего речь, к иллюстрации всего богатства грамматического строя испанского языка.

EN

Paroemias as a source of exemplification in the Spanish grammatical tradition of the XVI-XVIII centuries

Terentieva E. D., Bakanova A. V.

Abstract. The study aims to present a description of the functioning of paroemias as grammatical examples in the Spanish linguistic tradition of the XVI-XVIII centuries. The analysis of the texts of the most notable works of the said period (works by J. de Valdés, C. de Villalón, A. del Corro, G. Correás, J. Villar, B. Martínez Gómez Gayoso, B. de San Pedro) is carried out. The paper provides examples of proverbs and sayings and their equivalents in Russian and specifies the grammatical provisions that they illustrate. The historical conditions of publication of the analysed works are briefly described. The study is novel in that it is the first in Russian philology to carry out a comprehensive analysis of the approach to the use of paroemias in the process of exemplification in Spanish grammars of the period in question. As a result of the study, it has been found that almost all Spanish grammarians of the period under consideration resort to paroemias as a source of exemplification, however, the approach to their use changes over time. Their function shifts from serving as a model of ethical norms or authentic folk speech and later as an element that adorns speech, to illustrating the entire richness of the grammatical structure of the Spanish language.

Введение

С 70-80-х годов XX века в отечественном языкознании фиксируется значительный рост интереса к истории лингвистических учений как нашей страны, так и остального мира. Развитие науки о языке достигает такого периода, когда требуется осмысление пройденного пути. Появляются работы, максимально полно описывающие все этапы становления лингвистических представлений в России и мире, публикуются переводы значимых грамматических сочинений, исследуются отдельные проблемы в трудах различных грамматических школ. Актуальность настоящей работы обусловлена важностью анализа путей становления национальных лингвистических традиций. Понимание закономерностей составления грамматик того или иного языка в различные исторические периоды позволяет понять и оценить современные подходы к принципам грамматического описания и ту преемственность грамматической формы, о которой писал известный исследователь лингвистической историографии Б. А. Ольховиков: «...при углубленном анализе обнаруживается внутреннее единство грамматик

разных эпох, континуальность канона и преемственность фундаментальных конструктивных черт, подчеркивающих процесс развертывания их функциональной роли в обществе» (1985, с. 232-233).

Практически любое грамматическое сочинение, помимо формулирования некоторых постулатов, положений или правил, содержит то или иное число иллюстрирующих их примеров. Анализ подхода к отбору данных примеров, то есть к принципам экзemplификации, способствует лучшему пониманию лингвистических воззрений представителей различных школ и исторических периодов. Данная статья анализирует подходы к экзemplификации на частном примере использования паремий в грамматических сочинениях испанских авторов от Элио Антонио де Небрихи (1492 год) до выхода в свет в 1771 году первого издания «Грамматики кастильского языка» Испанской королевской академии, ознаменовавшего новый этап в закреплении национальной языковой нормы.

Для достижения цели исследования были поставлены следующие задачи: отобрать наиболее репрезентативные с точки зрения подхода к экзemplификации грамматические сочинения испанских авторов; выделить случаи использования паремий в качестве грамматических примеров; определить зависимость использования паремий в грамматических сочинениях от исторического контекста. В качестве основных методов исследования выступают метод сплошной выборки, описательно-аналитический метод, интерпретационный и сопоставительный анализ.

Материалом исследования послужили такие значимые описания испанского языка авторов XVI-XVIII веков, как труды Хуана де Вальдеса, Кристобала де Вильялона, Антонио дель Корро, Гонсало Корреаса, Хуана Вильяра, Бенито Мартинеса Гомеса Гайосо, Бенито де Сан Педро.

Теоретико-методологической базой исследования послужили научные труды Н. Ю. Бокадоровой (1987), Б. А. Ольховикова (1985), Н. Г. Сулимовой (2005), Е. А. Реферовской (1996), В. М. Алпатова (2005), Ф. М. Березина (1984), посвященные истории становления и развития европейской грамматической традиции. В процессе исследования были рассмотрены работы авторов, анализирующих различные аспекты экзemplификации на примере испанских грамматик (Кистерева, 2008; Михайлова, Колтунова, 2012). Кроме того, учитывались работы ряда отечественных и иностранных ученых, описывающих роль паремий в текстах испанских авторов XVI-XVIII веков (Жолобова, 2013; Кистерева, 2014; Bizzarri, 2008; Sevilla Muñoz, Sardelli, 2007; González Martín, 1997).

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы в процессе вузовского преподавания для студентов гуманитарных специальностей, в частности в рамках курсов истории общего и испанского языкознания.

Обсуждение и результаты

Наше исследование базируется на том, что любое грамматическое сочинение, помимо определенного свода правил, описания структуры языка и его элементов, содержит большее или меньшее число примеров, иллюстрирующих теоретические воззрения автора. Известно, что выбор источников экзemplификации зависит от вида и типа грамматического описания, исторической традиции, в отдельных случаях эстетических предпочтений автора. В испанской грамматической школе основные примеры традиционно берутся авторами из литературных или фольклорных (пословицы, поговорки, колас, вильянескос, севильянас) источников, а также сочиняются самими авторами на основе собственных представлений о нормативном узусе.

Необходимо отметить, что под термином «паремия» в статье понимаются прежде всего пословицы и поговорки, что соответствует испанским терминам *“refrán”*, *“dicho”* и *“proverbio”*. Более подробно об этом соответствии можно прочесть, например, в статьях Л. Б. Захаровой и Е. В. Захаровой (2021), А. О. Жолобовой (2013), J. Sevilla Muñoz, C. A. Crida Álvarez (2013).

Для данной работы интерес представляет не описание процесса появления сборников пословиц и поговорок, составление списков и трактование паремий в различных литературных произведениях, а прежде всего изучение их роли в формировании испанской лингвистической традиции. Необходимо подчеркнуть, что в задаче статьи не входят описание и детальная оценка того или иного грамматического труда. Рассматривается лишь частный вопрос принципов экзemplификации и цитирования разного рода паремий.

Внимание к изучению разного рода паремиологических единиц в Испании имеет глубокие исторические корни. В XVI-XVII веках в Испании происходит настоящий всплеск интереса к изучению и использованию пословиц и поговорок. Они начинают часто цитироваться в прозаических произведениях (вспомним «Селестину» и «Дон Кихота»), еще с XIV века пословицы появляются в поэзии. В драматургических произведениях пословицы могли активно использоваться как названия пьес и, конечно, для характеристики речи персонажей из народа. Выходит большое число сборников паремий, среди которых можно упомянуть «Книгу пословиц» Педро Вальеса (*“El libro de refranes”*, 1549 г.), «Пословицы или поговорки на народном языке» Эрнана Нуньеса (*“Los refranes o proverbios en romance”*, 1555 г.), «Народную философию» Хуана де Маль Лара (*“La Philosophía vulgar”*, 1568 г.), «Словарь пословиц и поговорок» Гонсало Корреаса (*“El vocabulario de refranes y frases proverbiales”*, 1627 г.) (Sevilla Muñoz, Sardelli, 2007, p. 67).

Еще в XV веке мы встречаем списки латинских пословиц как источник грамматических упражнений при изучении латыни (*“Romancea proverbiorum”*). Заучивание паремий при обучении иностранным языкам – характерный дидактический прием, сохранившийся и до наших дней (Fernández Martín, 2020). Сама форма

пословиц и поговорок позволяет легче запомнить определенные грамматические конструкции и лексические единицы. Помимо этого, обращение к паремиям позволяет познакомиться с культурно-историческим наследием страны изучаемого языка.

В данной статье при цитировании примеров мы используем возможные эквиваленты испанских пословиц на русском языке, которые, конечно, не отражают грамматических или лексических особенностей приводимых паремий. Подбор эквивалента или его вариантов в некоторых случаях был достаточно сложен в связи с тем, что далеко не все пословицы XV-XVIII веков сохранились в современном испанском узусе.

Первый сборник испанских пословиц "*Seniloquium*" XV века с обширными латинскими комментариями был еще и своего рода источником этических норм и правил. По мнению испанских исследователей, именно в этой работе появляется первое определение термина "*proverbio*" как свидетельства законов древности. Автор (предполагается, что им был Диего Гарсия де Кастро из Сеговии) приводит, например, пословицу "*A Dios rogando y con el maço dando*" (Bizzarri, 2008, p. 29). / «Бог помогает тем, кто помогает себе сам; На Бога надейся, а сам не плошай» (здесь и далее – перевод авторов статьи. – Е. Т., А. Б.) и считает, что она может служить примером для кардиналов при выборе папы римского.

Если мы обратимся к тексту первой полноценной европейской грамматики народного языка – «Грамматике кастильского языка» Антонио де Небрихи 1492 года ("*Gramática de la lengua castellana*"), то увидим, что здесь большая часть примеров носит авторский характер: это отдельные слова, словосочетания или короткие предложения на народном языке. Они соответствуют основной цели первого грамматического описания испанского языка – фиксации и кодификации его нормы. Небриха считает себя вправе создавать образцовые примеры для своих читателей. Автор, конечно, прибегает и к литературным примерам, но список имен избранных литераторов невелик и соответствует вкусу самого Небрихи. Достаточно примеров взято из народной поэзии (романсы, коплы и др.). Как у любого грамматиста эпохи Возрождения, у испанского ученого много прямых и скрытых цитат из Библии, которые к тому же носят назидательный характер (Кистерева, 2008, с. 185-186).

Такая же дидактическая функция отводится у Небрихи единичным примерам использования пословиц. Например, он цитирует пословицу, приписывая ее грекам, "*la tal usura se pudiera tornar en caudal*" (Nebrija, 1492, p. 109). / «С миру по нитке – голому рубаха», чтобы подтвердить свою точку зрения.

Совершенно особое место паремии занимают в творчестве другого великого испанского гуманиста XVI века, последователя Эразма Роттердамского Хуана де Вальдеса. Его «Диалог о языке» ("*Diálogo de la lengua*", 1535/1536 г.), впервые как анонимный опубликованный лишь в 1737 году, вероятно, не только был знаком его современникам и мог повлиять на их мировоззрение, но и, главное, отразил состояние испанского языка на этот период и стал определенной вехой в становлении представлений о происхождении, норме и статусе народного языка.

Вальдес был сторонником ориентирования на центральный кастильский диалект и стал одним из наиболее ярких критиков кастильской грамматики Небрихи, прежде всего за приписываемый ему (как выходцу из Андалусии) регионализм. Вальдес был глубоко убежден в том, что образцом подлинной испанской речи являются пословицы: «...в этих пословицах отражается чистота кастильского языка». / "*...en aquellos refranes se ve mucho bien la puridad de la lengua castellana*" (Valdés, 1976). Пословицы служат Вальдесу подтверждением истинно кастильского происхождения того или иного слова. Пословицы для него – идеал чистоты и величия кастильского языка, поскольку в Испании, с его точки зрения, отсутствуют должные литературные образцы. Именно пословица своим содержанием и формой прекрасно отвечала требованию Вальдеса «пишу как говорю». / "*escribo como hablo*" (Valdés, 1976). «Хорошая кастильская речь состоит в том, чтобы выразить то, что хочешь, наименьшим количеством слов». / "*todo el bien hablar castellano consiste en que digáis lo que queréis con las menos palabras que pudieréis...*" (Valdés, 1976), – заявляет его персонаж в «Диалоге».

Многочисленные зарубежные и отечественные исследователи сочинения выдающегося испанского гуманиста – из последних работ можно привести исследования Е. Э. Кистеревой (2014), J. Sevilla Muñoz, M. Sardelli (2007), Н. О. Bizzarri (2008) – насчитывают в нем от 153 до более 170 паремиологических единиц, используемых для подтверждения самых разных положений. Пословицы, по мнению Вальдеса, при отсутствии развитой литературы на народном языке являются базой для его изучения. Рожденные народом, пословицы представляют собой пример исконного, чистого, неиспорченного кастильского языка, в защиту которого выступает Вальдес. Приведем несколько примеров того, для чего и как он цитирует испанские паремии при анализе вопросов правописания, лексики и грамматики.

"*Quien a buen árbol se arrima, buena sombra lo cobija*" (Valdés, 1976). / «Хорошее знакомство всегда в прибыль нам. Не имей сто рублей, а имей сто друзей». Пословица иллюстрирует употребление устаревшего слова "*cobijar*" («покрывать») вместо рекомендуемого Вальдесом глагола "*cobrir*".

"*Dure lo que durare, como cuchara de pan*" (Valdés, 1976). / «Бери, пока не кончилось». "*Bolsa sin dinero, dígame cuero*" (Valdés, 1976). / «Кошелек без денег – кусок кожи». Служат для пояснения правил написания начальных сочетаний *qu* или *cu*.

"*No diga ninguno: déstâgua no beberé*" (Valdés, 1976). / «Не плюй в колодец, пригодится воды напиться». Демонстрируется ошибка в выборе местоимения *alguno/ninguno* (какой-то/никакой) в построении отрицательных конструкций.

"*El mal del milano, el ala quebrada y el papo sano*" (Valdés, 1976). / «К пирогам идут, а от работы бегут». Используется в рассуждениях о постановке артикля *el* перед существительными женского рода, начинающимися на *a*.

"*Quien haze un cesto, hará ciento*" (Valdés, 1976). / «Горбатого могила исправит». Приводится при описании правил постановки ударения.

Таким образом, из анализа текста видно, что если раньше пословица воспринималась как пример этических правил или как комический элемент в литературных произведениях, то Вальдес воспринимает ее как грамматическую или прежде всего стилистическую норму. По словам М. М. Раевской, Вальдес стал «первым теоретиком стиля собственно кастильской фразы, чем обеспечил себе неоспоримое место в истории испанского языка...» (2006, с. 171).

Забегая немного вперед, отметим, что высокая оценка пословиц в XVI-XVII веках в Испании характерна для многих авторов. В частности, активное включение паремииологической традиции в лингвистические процессы связано с трудом Хуана де Маль Лары «Народная философия» (*“La Philosophia vulgar”*), опубликованным в 1568 году. Последователь, как и Вальдес, идей Эразма Роттердамского, в замечаниях, предваряющих сам сборник, он пишет о пословицах как одном из столпов величия испанского языка, сравнивая их с драгоценными камнями, разбросанными по дорожной одежде. Именно пословицы позволяют ясно, кратко и очевидно выразить наши мысли, они украшают язык (Bizzarri, 2008, p. 33-34).

В «Дон Кихоте» Сервантеса роль паремий в высшей степени значительна, причем не только как элемента украшения речи или базы для оценки норм поведения отдельных персонажей. В их использовании отразилось стремление автора через речь Дон Кихота и Санчо показать их значимость, продемонстрировать правильное или излишнее цитирование пословиц (González Martín, 1997, p. 285).

Возвращаясь к собственно грамматическим трудам, рассмотрим «Кастильскую грамматику» Кристобала де Вильялона (*“Gramatica Castellana”*) 1558 года, которая заявляется автором как первая подлинно кастильская грамматика, так как труд Небрихи он считает излишне латинизированным. Он борется за чистоту родного языка, чей авторитет уже не нуждается в поддержке латинским происхождением. Подход к экземплификации, однако, достаточно традиционен: это авторские примеры. Вильялон уверен в своем праве давать образцы неиспорченной испанской речи. Единственный случай использования в его грамматике пословицы можно найти в разделе о произношении. Рассуждая о переходе латинского сочетания *ct* в испанском языке в сочетание *ch*, Вильялон на примере пословицы *“Al buen callar llaman Sancho”*. / «Молчание – золото» предполагает, что *sancho* это искаженное *sancto* и в доказательство приводит варианты пословицы: *“al buen callar llaman saxe”*, *“al buen callar llaman sabio”*, *“al buen callar llaman saggio”*, *“al buen callar llaman sancto”*. Характерно, что именно в этом месте автор пишет о желании опубликовать в дальнейшем сборник кастильских пословиц с глоссами, которое, правда, не было осуществлено (Villalón, 1558, p. 69).

В течение XVI века в Испании и других европейских странах появляется еще порядка двадцати грамматик испанского языка, часто двуязычных, что объясняется известными политическими и экономическими причинами. Международный престиж испанского языка в этот период очень высок. Обратимся к одной из широко известных работ – грамматике 1586 года Антонио дель Корро «Грамматические правила для изучения испанского и французского языков в сопоставлении одного с другим» (*“Reglas gramaticales para aprender la lengua Española y Francesa, confiriendo la una con la otra”*), переведенной позднее на английский язык. Автор приводит основные правила грамматического строя испанского и французского языков, сопоставляя их и иллюстрируя примерами из обоих языков. Эти примеры в основном носят авторский характер, они часто содержат наставления религиозного и назидательного плана. Специального внимания к пословицам Корро не привлекает, но можно привести два примера их использования.

При пояснении употребления во французском языке форм *le* и *la* как артиклей или местоимений Корро дает французскую пословицу с испанским эквивалентом: *“A tard se repend le rat, quād par la queue le tient le chat / tarde se arepietē el rato quādo le tiene la cola el gato”* (Corro, 1586, p. 57). / «Спихватился шапки, когда головы не стало».

Так же он поступает в случае с местоимением *qui*: *“Lo que corde tire, qui la mort d'autry desire / luenga cuerda menea quien a otro la muerte desea”* (Corro, 1586, p. 59). / «Не рой другому яму, сам в нее попадешь».

В XVII веке особую роль в изучении паремий сыграли труды Гонсало Корреаса. Он известен как реформатор испанской орфографии и составитель сборника паремий, опубликованного в 1627 году – «Словаря пословиц и поговорок» (*“Vocabulario de refranes y frases proverbiales”*). Надо отметить, что отдельные комментарии к пословицам носят лингвистический характер, например, он предлагает заменить архаизмы *“físico”* и *“catar”* на более современные *“médico”* (врач) и *“mirar”* (смотреть) или отмечает просторечный или региональный характер отдельных элементов (Correas, 1924, p. 176). Корреас приводит варианты пословиц, поскольку они представляются ему живыми, динамичными единицами, которые приспосабливаются к речи и могут принимать различные формы.

Еще ранее Корреас широко цитирует пословицы в своей грамматике «Искусство кастильского испанского языка» (*“Arte de la lengua Española Castellana”*, 1626 г.). Они используются в качестве примеров в самых разных случаях. Приведем ряд паремий:

“Agua qe pasó, molino no muele” (Correas, 1626, p. 57). / «Прожитого, что пролитого – не ворогишь» – в разделе об относительных местоимениях.

“Bofes en casa, bofes en la asada; ¡cuerpo de tal con tanta bofada!” (Correas, 1626, p. 115). / «Ныне толокно, завтра толокно, да как всякий день одно, так прискучит оно» – при описании суффикса собирательности *-ada*.

“No quiere Marcos qe se toqe su mujer á papos, i ella dezia qe á repapos se tocaría” (Correas, 1626, p. 193). / «Ты жене слово – она тебе два» – о префиксе *re-*.

“Qe si á todo le doi de codo, Codirota me qedaré” (Correas, 1626, p. 195). / «Кто других не любит, сам себя губит» – об образовании сложных слов.

“Cuanto zuga la abeja miel torna, i cuanto la araña ponzoña” (Correas, 1626, p. 246). / «Пища пчелы превращается в мед, а паука – в яд» – в разделе о фигурах речи.

“*Si es casado, digale cansado*” (Correas, 1626, p. 260). / «Жениться – легко ошибиться» – про игру слов. В данной поговорке игра заключается в созвучии испанских слов “*casado*” (женатый) и “*cansado*” (уставший).

“*Ni fies, ni porfies, ni arriendes: vivirás entre las jentes*” (Correas, 1626, p. 210). / «Не верь, не спорь, в долг не бери – будешь мирно жить с людьми» – об отрицательных формах.

“*Pan i vino i tozino i queso añejo, i el amigo viejo*” (Correas, 1626, p. 248). / «Старый друг лучше новых двух» – в разделе о полисиндетоне (многосоюзии).

В грамматике Корреаса в разделе о тропах есть специальный параграф, посвященный поговоркам. В нем он называет их «аллегорическими и нравоучительными высказываниями» (Correas, 1626, p. 258) и ссылается на готовящийся им наиболее полный сборник поговорок, который и был им издан год спустя. Автор указывает, что многие поговорки послужили основой для народного стихотворчества и, наоборот, из фольклорных произведений родились паремии.

К середине XVII века уже можно видеть развитие различных направлений в складывающейся испанской лингвистической традиции: есть работы прежде всего теоретического характера, есть чисто практические грамматики, есть (и их большинство) труды, объединяющие попытку описания конкретных языковых особенностей с греко-латинским каноном. В работах может преобладать стремление точно воссоздать языковую практику или желание зафиксировать те формы, которые представляются автору нормативными.

Особо можно выделить грамматику 1651 года Хуана Вильяра «Искусство испанского языка, представленное в виде строгих грамматических правил и принципов» (“*Arte de la lengua española. Reducida a Reglas y Preceptos de rigurosa gramática*”). По мнению известного исследователя М. Peñalver Castillo (1997, p. 99-100), она по своему характеру предварила академическую грамматику 1771 года. Автор предстает в ней не только как фиксатор и кодификатор существующего узуса, он чувствует необходимость вмешиваться и критиковать то, что считает неверным. Такая позиция уже близка к академическому подходу.

Принципы экземплификации у Вильяра носят привычный характер: основу примеров составляют слова, словосочетания и короткие предложения дидактической направленности. Использование паремий отличается явно спорадическим характером. Но даже в этих редких случаях поговорки служат поводом для критики неправильного узуса. Например, рассуждая о значении поговорки “*Höbre prevenido medio convatido*”. / «Кто знает о надвигающейся опасности, тот наполовину избежал ее; Кто предупрежден, тот вооружен», Вильяр предостерегает от ошибочной замены сочетания “*medio convatido*” (пораженный наполовину) на “*nunca vencido*” (никогда не побежденный), искажающей, с его точки зрения, смысл поговорки (Villar, 1651, p. 141).

В другом случае в разделе «О фигурах речи», говоря об апокопе, Вильяр осуждает форму “*Mas val prevenir que ser prevenidos*” вместо “*mas vale*” (Villar, 1651, p. 158). / «Сделанное своевременно сберегает много труда впоследствии; Лучше предостеречься, чем жалеть».

В период Нового времени представление об образцовом узусе в большей степени сдвигается в сторону отбора лучших литературных примеров. Авторы грамматик, оставляя за собой право использовать самостоятельно разработанный иллюстративный материал, прибегают к авторитету выдающихся литераторов, расширяя и уточняя списки цитируемых произведений. Паремии традиционно продолжают использоваться, но не более чем как один из вариантов экземплификации.

Смена монархической династии в 1700 году, значительное влияние науки и искусства Франции не могли не отразиться на развитии лингвистических представлений испанских ученых. Вместе с тем изменение в подходах к составлению грамматических описаний испанского языка идет достаточно медленно, в том числе в части экземплификации. После образования в 1713 году Испанской королевской академии начинается работа по составлению словаря, орфографии и грамматики испанского языка. Выпуск последней, впрочем, затягивается до 1771 года, и до ее появления можно говорить лишь о двух значительных грамматических сочинениях в XVIII веке: трудах Бенито Мартинеса Гомеса Гайосо (1743 г.) и Бенито де Сан Педро (1769 г.).

Если мы обратимся к работе Мартинеса Гомеса Гайосо «Грамматика кастильского языка, представленная в виде кратких правил и легкого способа для обучения молодежи» (“*Gramática de la lengua castellana. Reducida a breves Reglas, y facil methodo para instruccion de la Juventud*”) 1743 года, то увидим привычную картину иллюстрации приводимых положений авторскими примерами. Что касается использования им поговорок, то можно найти следующие примеры.

Комментируя формы различных местоимений, автор приводит такие паремии, как “*Qual el tiempo, tal el tiento*” (Martínez Gómez Gayoso, 1743, p. 87). / «С волками жить – по-волчьи выть» (поговорка, встречающаяся еще в «Дон Кихоте»); “*A cada puerco le viene su San Martín*” (Martínez Gómez Gayoso, 1743, p. 95). / «Быть бычку на веревочке»; “*Quantas cabezas, tantos pareceres*” (Martínez Gómez Gayoso, 1743, p. 244). / «Сколько людей, столько и мнений». В синтаксическом разделе, говоря об употреблении предлогов, он, в частности, приводит паремию “*De quando acá Marica con quantes*” (Martínez Gómez Gayoso, 1743, p. 234). / «Из грязи в князи».

Работа валенсийского священника Бенито де Сан Педро «Искусство кастильского языка, изложенное на основании общих правил и на примере лучших авторов» (“*Arte del Romance castellano, dispuesta según sus principios generales i uso de los mejores autores*”) 1769 года изобилует поэтическими примерами из Луиса де Леона, Гарсиласо де ла Вега и других классиков, отрывками проповедей и молитв, но в тексте можно встретить и примеры-паремии.

В книге первой грамматики при описании различных классов местоимений можно отметить следующие поговорки:

“*Una mano lava la otra, y ambas la cara*” (San Pedro, 1769a, p. 176). / «Одна рука и в море не вымоет себя».

“No es tan fiero el Leon como lo pintan” (San Pedro, 1769a, p. 176). / «Не так страшен черт, как его малюют».

“Lo que la Loba hace, al Lobo le place” (San Pedro, 1769a, p. 182). / «Два сапога – пара».

Во второй книге в разделе синтаксиса о согласовании существительного с прилагательным приводится пословица:

“A la muger i a la gallina, si es mala, torcelle el cuello” (San Pedro, 1769b, p. 99). / «Чем больше бабу бьешь, тем щи вкусней».

В разделе о фигурах речи:

“Al Asno muerto la cebada al rabo” (San Pedro, 1769b, p. 135). / «Снявши голову, по волосам не плачут».

Следующим за работой Бенито де Сан Педро значительным описанием испанского языка стала грамматика Испанской королевской академии, впервые опубликованная в 1771 году, анализ которой выходит за рамки данной статьи.

Заключение

Как показывает проведенное исследование, в испанской лингвистической традиции подход к использованию паремий как источника экземплификации постепенно претерпел определенные изменения. Будучи на ранних этапах своего рода образцом этической нормы или истинной народной речи, паремии стали затем восприниматься как элемент, украшающий речь, и, наконец, стали оцениваться как подлинный речевой акт во всем его богатстве: с пониманием регионального разнообразия, оценкой различных языковых элементов и грамматической формы паремий, с учетом динамизма живой речи.

Авторитет народного творчества высоко оценивается практически всеми испанскими грамматистами XVI-XVIII веков. Почти в каждом сочинении можно найти те или иные паремии, иллюстрирующие отдельные положения трудов, например в работах К. де Вильялона, Х. Вильяра, А. дель Корро, Б. Мартинеса Гомеса Гайосо, Б. де Сан Педро. Особое место занимают сочинения Хуана де Вальдеса и Гонсало Корреаса. Уникальность «Диалога о языке» Хуана де Вальдеса состояла в преимущественной опоре на пословицы и поговорки в качестве образцов подлинной народной речи, источника нормы кастильского языка. Исключительное внимание паремиям было уделено и в трудах Гонсало Корреаса, примеры из собрания пословиц которого используются даже в последнем трехтомном издании «Новой грамматики испанского языка», вышедшей в 2009-2011 годах под эгидой Испанской королевской академии и Ассоциации академий испанского языка.

Публикация многочисленных изданий академической грамматики начиная с 1771 года, как было сказано выше, открывает новую страницу в подходе к формированию языковой нормы и представляется перспективным материалом для дальнейших исследований.

Источники | References

1. Алпатов В. М. История лингвистических учений. М.: Языки славянской культуры, 2005.
2. Березин Ф. М. История лингвистических учений. М.: Высшая школа, 1984.
3. Бокадорова Н. Ю. Французская лингвистическая традиция XVIII – начала XIX века. Структура знания о языке. М.: Наука, 1987.
4. Жолобова А. О. Об истоках фразеологической науки в Испании // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2013. Т. 155. Кн. 5.
5. Захарова Л. Б., Захарова Е. В. Дефиниция и классификация паремий в русском и испанском языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. Вып. 11.
6. Кистерова Е. Э. Лингвистическое учение Хуана де Вальдеса (на материале «Диалога о языке», 1535/36 г.): дисс. ... к. филол. н. М., 2014.
7. Кистерова М. Э. О роли грамматического примера в описании языка (некоторые аспекты изучения первых португальских и испанских грамматик) // Вестник Московского университета. Серия 9 «Филология». 2008. № 5.
8. Михайлова Е. Н., Колтунова С. В. Специфика экземплификации в описании категории падежа (на материале испанских грамматик XVI-XVII вв.) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2012. № 3. Т. 1.
9. Ольховиков Б. А. Теория языка и вид грамматического описания в истории языкознания. Становление и эволюция канона грамматического описания в Европе. М.: Наука, 1985.
10. Раевская М. М. Испанское языковое сознание Золотого века (XVI-XVII вв.). М.: КомКнига, 2006.
11. Реферовская Е. А. Философия языка и грамматические теории во Франции (из истории лингвистики). СПб.: Петербург – XXI век, 1996.
12. Сулимова Н. Г. История развития испанской грамматической мысли (XV-XIX вв.). М.: МАКС Пресс, 2005.
13. Bizzarri H. O. El refrán en el tránsito del Humanismo al Renacimiento (La invención de la ciencia paremiológica) // Paremia. 2008. Núm. 17.
14. Correas G. Arte de la lengua Española Castellana. Salamanca, 1626.
15. Correas G. Vocabulario de refranes y frases proverbiales y otras fórmulas comunes de la lengua castellana. Madrid: Tip. de la “Rev. de Archivos, Bibliotecas y Museos”, 1924.

16. Corro A. del. Reglas gramaticales para aprender la lengua Española y Francesa, confiriendo la una con la otra. Oxford, 1586.
17. Fernández Martín P. La enseñanza de gramática del texto a estudiantes universitarios: refranes, elementos fóricos y conciencia metalingüística // Didáctica. Lengua y Literatura. 2020. Núm. 32.
18. González Martín V. El refrán en la literatura española de los siglos XVI y XVII // Paremia. 1997. Núm. 6.
19. Martínez Gómez Gayoso B. Gramática de la lengua castellana. Reducida a breves Reglas, y facil methodo para instruccion de la Juventud. Madrid, 1743.
20. Nebrija A. de. Gramática de la lengua castellana. Salamanca, 1492.
21. Peñalver Castillo M. Estudio Introductorio // Villar J. Arte de la Lengua Española. Ed. facs. Jaén, 1997.
22. San Pedro B. de. Arte del Romance castellano, dispuesta según sus principios generales i uso de los mejores autores: en 2 tomos. Valencia, 1769a. Tomo I.
23. San Pedro B. de. Arte del Romance castellano, dispuesta según sus principios generales i uso de los mejores autores: en 2 tomos. Valencia, 1769b. Tomo II.
24. Sevilla Muñoz J., Crida Álvarez C. A. Las paremias y su clasificación // Paremia. 2013. Núm. 22.
25. Sevilla Muñoz J., Sardelli M. Las concordancias paremiológicas del “Diálogo de la lengua” de Juan de Valdés y el “Vocabulario de refranes y frases proverbiales” de Gonzalo Correas // Criticón. 2007. Núm. 99.
26. Valdés J. de. Diálogo de la lengua. 1976. URL: https://www.cervantesvirtual.com/obra-visor/dialogo-de-la-lengua--0/html/fede437e-82b1-11df-acc7-002185ce6064_2.html
27. Villalón C. de. Gramatica Castellana. Arte breue y compendiosa para saber hablar y escreuir en la lengua Castellana congrua y deçentemente. Amberes, 1558.
28. Villar J. Arte de la lengua española. Reducida a Reglas y Preceptos de rigurosa gramática. Valencia, 1651.

Информация об авторах | Author information

RU**Терентьева Екатерина Дмитриевна¹**, к. филол. н.**Баканова Анна Валентиновна²**, к. филол. н.¹ Российский университет дружбы народов, г. Москва² Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова**EN****Terentieva Ekaterina Dmitrievna¹**, PhD**Bakanova Anna Valentinovna²**, PhD¹ RUDN University, Moscow² Lomonosov Moscow State University¹ terentyeva-ed@rudn.ru, ² asia_sim@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 22.03.2023; опубликовано (published): 17.05.2023.

Ключевые слова (keywords): паремия; экземплификация; грамматика испанского языка; испанское языкознание; paroemia; exemplification; Spanish grammar; Spanish linguistics.